

УДК 903.26

А.М. Жульников¹, Е.А. Кашина²¹Петрозаводский государственный университет
пр. Ленина, 33, Петрозаводск, 185910, Карелия, Россия
E-mail: wigwat@karelia.ru²Государственный Исторический музей
Красная пл., 1, Москва, 109012, Россия
E-mail: eakashina@mail.ru

«ЛОСИНОГОЛОВЫЕ ЖЕЗЛЫ» В КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАУРАЛЬЯ, СЕВЕРНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ*

В работе рассматриваются т.н. лосиноголовые жезлы – Г-образные резные предметы с навершием в виде головы лося – и их изображения в наскальном искусстве эпохи позднего мезолита – раннего металла. Проанализированы морфология, территориальное расположение, хронология, а также археологический контекст этих изделий. Они являлись сакральными предметами, которые использовали в ритуале зрелые и пожилые мужчины. В семантическом плане эти вещи были, вероятно, многозначны. Они могли быть связаны с идеей как плодородия, так и соотношения зрелости–старости с осенне-зимним временем года. «Лосиноголовые жезлы» на петроглифах относятся к изображениям магических предметов, воплотивших в себе символику Вселенной.

Ключевые слова: мезолит – неолит – энеолит, резные и наскальные изображения, лось, северный олень.

Введение

Изделия с навершием в виде головы лося/оленя и их изображения в наскальном искусстве представляют значительный интерес в плане реконструкции мировоззрения древних жителей севера Евразии и изучения социальной структуры первобытных коллективов эпох мезолита – неолита – раннего металла. Колоссальное время существования «лосиноголовых жезлов» (VI – вторая половина II тыс. до н.э.) и их наскальных изображений (VI–III тыс. до н.э.), обширное территориальное распространение (от Зауралья до Северной Европы), бесспорно, отражают

определенную мировоззренческую общность носителей ряда археологических культур лесной полосы Евразии [Столяр, 1983; Студзицкая, 1997].

Обе разновидности «лосиноголовых жезлов», неоднократно привлекавшие внимание исследователей, требуют дополнительного изучения. Так, резные изделия сильно различаются по размеру и особенностям формы, поэтому необходимо провести их морфологический анализ. Следует также рассмотреть фрагментированные предметы, не нашедшие отражения в прежних исследованиях. На основе полученных данных и особенно изучения контекста находок сделаны выводы о предполагаемом функциональном и смысловом значении резных изделий. Поскольку образ лося (оленя) в мифологии многозначен, для раскрытия семантики изображений «лосиноголовых жезлов» в наскальном творчестве важен анализ тех сцен, где можно увидеть «применение»

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Мировоззрение населения лесной зоны Восточной Европы в неолите – энеолите по материалам искусства малых форм» (№ 09-01-00084а).

данного атрибута. Изучение содержания таких композиций представляет интерес и в плане определения функционального предназначения аналогов «лосиноголовых жезлов».

«Лосиноголовый жезл»: артефакт и символ

Изделия с навершием в виде головы лося в основном изготовлены из рога (изредка из кости) этого животного. Большая часть предметов мелкой пластики из Оленеостровского могильника на Баренцевом море изображает северного оленя и выполнена из оленьего рога. «Лосиноголовый жезл» с поселения Маяк II также изготовлен из рога северного оленя [Мурашкин, Шумкин, 2008; Гурина, 1997]. Известны единичные деревянные и каменные изделия в виде головы лося. Последние (4 экз.) имеют отверстие для насаживания на стержень. Они встречаются только в южной части Финляндии и в Карелии, что свидетельствует о локальном характере бытования данной традиции. Лишь одно навершие выделяется детальной прора-

Рис. 1. Территория распространения резных «лосиноголовых жезлов» (6–23) и их изображений на петроглифах (1–5).

1 – Винген; 2 – Немфорсен; 3 – Альга; 4 – Канозеро; 5 – Завлурга; 6 – Оленеостровский могильник; 7 – Маяк II; 8 – могильник на Южном Оленьем о-ве; 9 – Модлона; 10 – Нарва Ригикюла III; 11 – Вилла; 12 – могильник Звейниекки; 13 – устье р. Малмуты; 14 – Швентойи-3, -4; 15 – Кретуонас I; 16 – Замостье II; 17 – Сахтыш I; 18 – Володары; 19 – Черная Гора; 20 – погребение на р. Ток; 21 – Аннин Остров; 22 – Шигирский торфяник; 23 – Калмацкий Брод.

боткой черт лося, остальные сильно стилизованы. Поскольку датировка этих находок и их археологический контекст не ясны, они не рассматриваются в данной работе.

Резные роговые и костяные изделия имеют характерный перегиб от 90 до 120° (редко до 150°) между стержнем и навершием в виде головы животного. Все они тщательно отшлифованы и отполированы. Размеры целых предметов от 10 до 49 см. Все изделия (28 экз.) можно разделить на две размерные группы: «мелкие», длиной от 10,0 до 25,3 см (12 экз.) (Маяк II, Оленеостровский могильник (7 экз.), могильник на Южном Оленьем о-ве Онежского оз., могильник Звейниекки, Швентойи-4, Модлона) [Гурина, 1953, 1956, 1997; Мурашкин, Шумкин, 2008; Zagorskis, 1987; Rimantiene, 1996; Ошибкина, 1978], и «крупные» – от 40 до 49 см (16 экз.) (могильник на Южном Оленьем о-ве (2 экз.), Нарва Ригикюла III, Вилла, устье р. Малмуты, Швентойи-3 (2 экз.), Кретуонас I, Сахтыш I, Замостье II, Черная Гора, погребение на р. Ток, Шигирский торфяник (2 экз.), Калмацкий Брод, Аннин Остров) [Гурина, 1956; Loze, 1970; Rimantiene, 2005; Искусство..., 1992; Лозовский, 2009; Цветкова, 1969; Богданов, 1992; Эдинг, 1940] (рис. 1). Минимальные и максимальные размеры взяты по целым предметам. Деление несколько условно, потому что имеется значительное количество фрагментов, по которым длина изделия может быть реконструирована лишь приблизительно. Все они сопоставлены по своим размерам с целыми предметами и включены во вторую группу. Одно целое изделие обособлено, т.к. вместо стержня имеет отверстие, возможно предназначенное для насаживания на стержень (Володары; рис. 2, 5) [Цветкова, 1973].

Фрагментированность многих резных предметов не позволяет сделать твердые и точные выводы об их морфологических особенностях. Каждое изделие уникально по набору деталей, элементов изображения животного и орнамента. Это препятствует формированию четкой классификации на базе таких признаков, как форма глаз, ушей, детали орнамента и т.д. Можно сделать лишь некоторые наблюдения по отдельным признакам.

Группа из семи изделий с навершием в виде головы северного оленя из Оленеостровского могильника (вторая половина II тыс. до н.э.) стоит особняком в ряду остальных и представляет собой яркую серию предметов, бытовавших в узкий промежуток времени и, вероятно, выполненных членами одного и того же коллектива [Мурашкин, Шумкин, 2008]. Среди них не только нет двух одинаковых, но и наблюдается поразительное разнообразие в наборе деталей. Сходными являются абрис головы северного оленя, угол между навершием и стержнем и прямоугольное сечение последнего (рис. 2, 3, 4).

Сильное сходство в изображении глаз, ноздрей, рта и подчелюстной выемки лося имеют находки из Уральского региона: Шигирского торфяника (2 экз.), Аннина Острова, с р. Ток (рис. 2, 2, 6, 8) [Богданов, 1992; Эдинг, 1940]. У трех изделий глаза переданы высверленной ямкой, только у одного, из могильника на Южном Оленьем о-ве Онежского оз. (рис. 2, 1), она сделана на выпуклости, а у двух территориально и хронологически близких предметов из Черной Горы и Володар (рис. 2, 5) подчеркнутой выпуклости нет [Гурина, 1956; Цветкова, 1969, 1973]. Такой элемент, как «серьга», встречен у наиболее «западных» изображений, датированных неолитом – энеолитом: со стоянок Вилла, Швентойи-3 (рис. 2, 7), Кретуонас I ([Loze, 1970; Rimantiene, 2005], а также устное сообщение А. Гирининкаса). Воспроизведение подчелюстной выемки также имеет территориальные особенности: узкой резной линией – у двух «западных» образцов (Швентойи-3, устье р. Малмуты), широкой – у трех «восточных» (Шигирский торфяник (2 экз.), р. Ток) (рис. 2, 6, 8) [Loze, 1970]. По остальным признакам (наличие/отсутствие глаз, форма ушей, пропорции морды, орнаментация) территориально-хронологические особенности не зафиксированы. Следует отметить, что в отличие от группы «крупных» предметов «мелкие», за исключением серии из Оленеостровского могильника на Баренцевом море, имеют меньшее сходство при сравнении любых морфологических характеристик.

Ареал находок из рога и кости чрезвычайно обширен. Обращает на себя внимание распределение двух выделенных размерных групп: «мелкие» представлена на севере и западе лесной зоны Восточной Европы, «крупные» – на всей изучаемой территории, кроме северных областей. Предметы обеих групп относятся к разным эпохам. Позднемезолитические находки происходят из Карелии и Московской обл.; неолитические – из Восточной Балтии; энеолитические – из Восточной Балтии, Вологодской обл., центральной части России и, возможно, из Зауралья; эпохи бронзы – из Мурманской обл.

Двенадцать резных предметов найдены в погребениях (могильник на Южном Оленьем о-ве Онежского оз., Оленеостровский на Баренцевом море, Звейниекы в Латвии, погребение на р. Ток в Оренбургской обл.) [Гурина, 1956; Мурашкин, Шумкин, 2008; Zagorskis, 1987; Богданов, 1992]: 11 – с костяками зрелых и пожилых мужчин, один (рис. 2, 3) – со скелетными остатками женщины 60 лет (погр. 16-2 Оленеостровского могильника). В погр. 19-4 Оленеостровского могильника было три таких предмета, во всех остальных случаях – по одному.

Н.Н. Гурина отмечала залощенность на нижних концах двух Г-образных изделий из погребений могильника на Южном Оленьем о-ве, вызванную, по

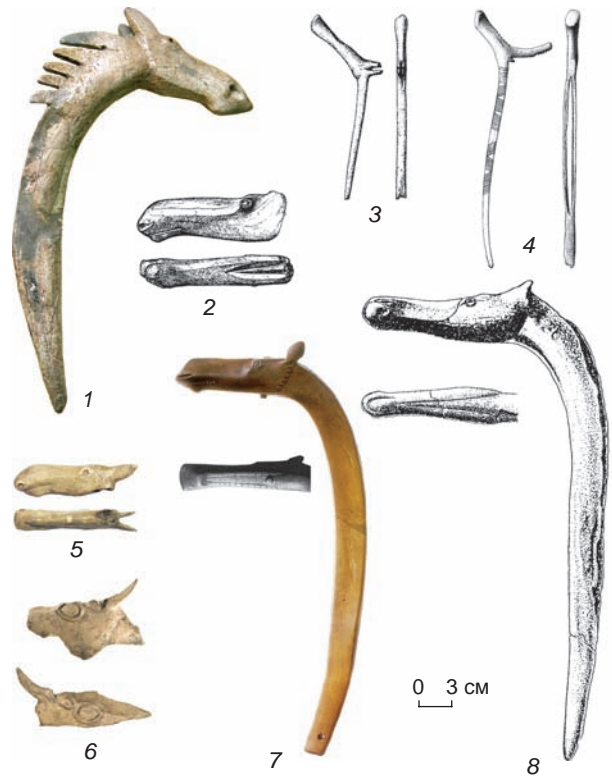

Рис. 2. Резные «лосяноголовые жезлы».

1 – могильник на Южном Оленьем о-ве, погр. 153; 2 – Шигирский торфяник; 3, 4 – Оленеостровский могильник на Баренцевом море, погр. 16-2, 19-4; 5 – Володары; 6 – Аннин Остров; 7 – Швентойи-3; 8 – погребение на р. Ток.

ее мнению, долговременным держанием предметов в руке [Гурина, 1956, с. 215]. Расположение данных находок в этих погребениях в верхней части костяков, а также аналогичных предметов в двух захоронениях Оленеостровского могильника на Баренцевом море – подле костей правой руки [Кольская археологическая экспедиция] тоже указывает на их ношение в руке. Несомненно, такие изделия не были «одноразовыми».

Остальные подобные предметы найдены в культурных отложениях поселений. Большая их часть фрагментирована: возможно, они намеренно уничтожались по каким-то причинам. Не раз высказывалось предположение о том, что эти изделия принадлежали людям, наделенным особыми полномочиями, – «шаманам», «вождям» [Гурина, 1956, с. 242; Столяр, 1983, с. 157]. По нашему мнению, количество дошедших до нас находок, а также материалы Оленеостровского могильника на Баренцевом море говорят о другом: «лосяноголовый жезл» потенциально мог быть связан с каждым мужчиной коллектива, достигшим зрелого (?) возраста и способным к выполнению определенных сакральных функций. Если бы эти предметы, изготавливавшиеся в основном из органического материала, принадлежали

исключительно людям, наделенным особым статусом «вождя» или «шамана», то до нас бы дошло в лучшем случае всего несколько экземпляров.

Ранее исследователи полагали, что объект изображения – безрогая самка лося [Искусство..., 1992]. Однако точка зрения, согласно которой это самец в период сброса рогов [Гурина, 1956, с. 215], кажется, нашла свое подтверждение в находке из Аннина Острова: на голове лося выделены «пеньки» от сброшенных рогов (рис. 2, б). В серии изображений из Оленеостровского могильника на Баренцевом море представлены три безрогих и четыре рогатых северных оленя (рис. 2, 4). Согласно мнению зоологов, самцы лося и северного оленя сбрасывают рога примерно в одно и то же время. Вероятно, «жезлы» из Оленеостровского могильника на Баренцевом море демонстрируют упадок самой традиции: они бытовали в гораздо более поздний период, чем другие, и на весьма отдаленной территории – в своеобразном «анклаве».

Изображения «лосиноголовых жезлов» в наскальном творчестве представлены в большинстве крупных скоплений петроглифов Северной Европы (см. рис. 1), насчитывающих не менее 1 000 фигур: Альта – более 30 изображений, Винген – более 20, Немфорсен – 22, Канозеро – 4, Залавруга – 2. Самые ранние из них относятся, видимо, к концу эпохи мезолита (Винген), наиболее поздние – к финалу неолита, возможно, энеолиту (Залавруга). В наскальном творчестве бронзового века Северной Европы изображения «лосиноголовых жезлов» уже не известны.

Выделяются две группы «жезлов» на петроглифах, различающиеся характером соединения стержня и навершия в виде головы лося: с почти прямым углом между ними и со скругленным. На наскальных рисунках Альты доминируют изображения первой группы, Немфорсена – второй, а на скалах Вингена и Канозера примерно в равной пропорции представлены обе. Это может отражать как локальные стилистические особенности петроглифов, так и региональные различия в материальных прототипах изображений «лосиноголовых жезлов». В каждой группе выделяются по три вида, различающиеся по форме головы лося. Первый – с серповидным завершением. Такие «жезлы» представлены только на петроглифах Вингена и не имеют материальных аналогов. Второй вид по данному признаку наиболее близок резным изделиям из могильников и с поселений. Третий отличается заметным утолщением на конце навершия. Показательно, что подобное утолщение отсутствует у изображений лосиной головы на лодках и у фигур лося и оленя. Из-за него «лосиноголовые жезлы» иногда называют топорами-жезлами [Колпаков, 2007, с. 170]. Изображения третьего вида широко представлены на петроглифах Немфорсена, Канозера и Залавруги, а на наскальных рисунках Альты и Вингена они единичны. У резных «лосиноголовых жезлов»

столь явно выраженного утолщения нет. Учитывая устойчивое подчеркивание этой детали в удаленных друг от друга группах петроглифов, можно предположить, что у таких изображений был сходный по форме материальный прототип.

Среди других характерных особенностей изображений «жезлов» следует отметить отсутствие на голове животного явно выраженных рогов. Показательно, что на петроглифах Альты в сценах охоты преобладают фигуры оленей, многие из которых имеют рога. У оленей, в отличие от лосей, рогами обладают не только самцы, но и самки. Следовательно, нельзя утверждать, что навершия в виде головы безрогого оленя у «жезлов» из Оленеостровского могильника представляют исключительно самок. Очевидно, отсутствие рогов на изображениях имеет знаковый характер.

Все антропоморфные обладатели «лосиноголовых жезлов» на петроглифах относятся, видимо, только к мужскому полу, что находит аналогию в погребениях. Такие персонажи иногда имеют приостренную или иную особую форму головы, не характерную для антропоморфных фигур, представленных, в частности, в сценах охоты, и гипертрофированный фаллос. Эти особенности, вероятно, подчеркивают не только мифическую природу обладателей «лосиноголовых жезлов», но и их особый статус в ряду других мифических персонажей на петроглифах.

Несомненный интерес в плане определения символического значения «лосиноголовых жезлов» представляет их расположение на рисунках относительно антропоморфной фигуры. Человек, мужчина понимался древними как воплощение Вселенной [Маковский, 1996, с. 386]. Начиная предположительно с эпохи энеолита – бронзы он в какой-то степени приравнивался к Мировому дереву, шести, посоху и т.п. [Топоров, 1997, с. 398].

Нами было сопоставлено положение «лосиноголового жезла» и ряда видов орудий, изображенных на петроглифах Фенноскандии, относительно фигуры их обладателя (рис. 3). В размещении копья не наблюдается четкой закономерности – имеются варианты наклонного, вертикального и горизонтального расположения на уровне рук, головы или над ней (рис. 3, 1–5). Лук изображается параллельно фигуре антропоморфного персонажа на уровне его груди (рис. 3, 6–10). Лыжные палки также ориентированы параллельно фигуре, а их нижний, утолщенный конец располагается примерно на уровне ступней (рис. 3, 11–14). Все эти варианты отражают реальные способы использования древними людьми материальных аналогов изображенных на петроглифах орудий.

Положение «лосиноголовых жезлов» несколько иное и отнюдь не соответствует представлениям ряда исследователей об их функционировании в качестве жезлов-посохов, т.е. предметов, опирающихся

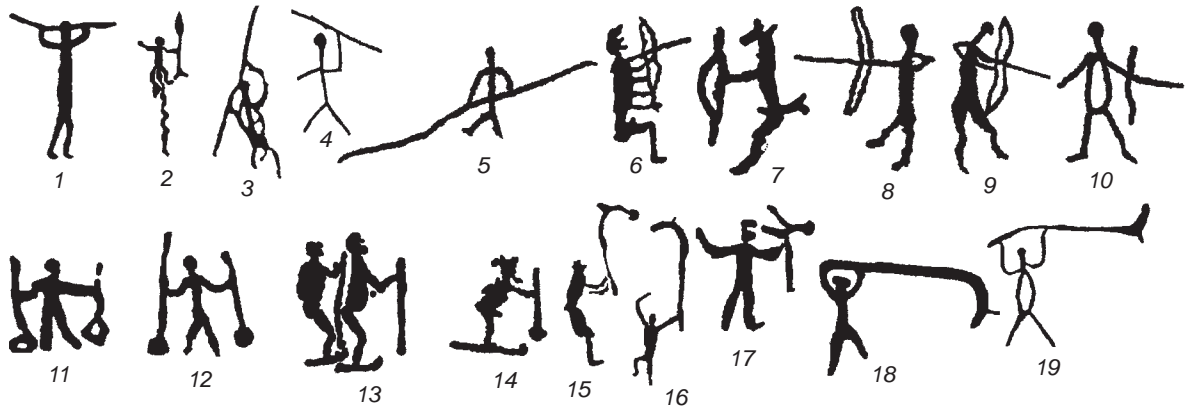

Рис. 3. Варианты размещения изображений орудий и «лосиноголовых жезлов» относительно фигур антропоморфных персонажей.

1, 3–5, 8–10, 16, 18, 19 – Альта; 2, 15 – Канозеро; 6, 7, 13, 14 – Белое море; 11, 12, 17 – Немфорсен.

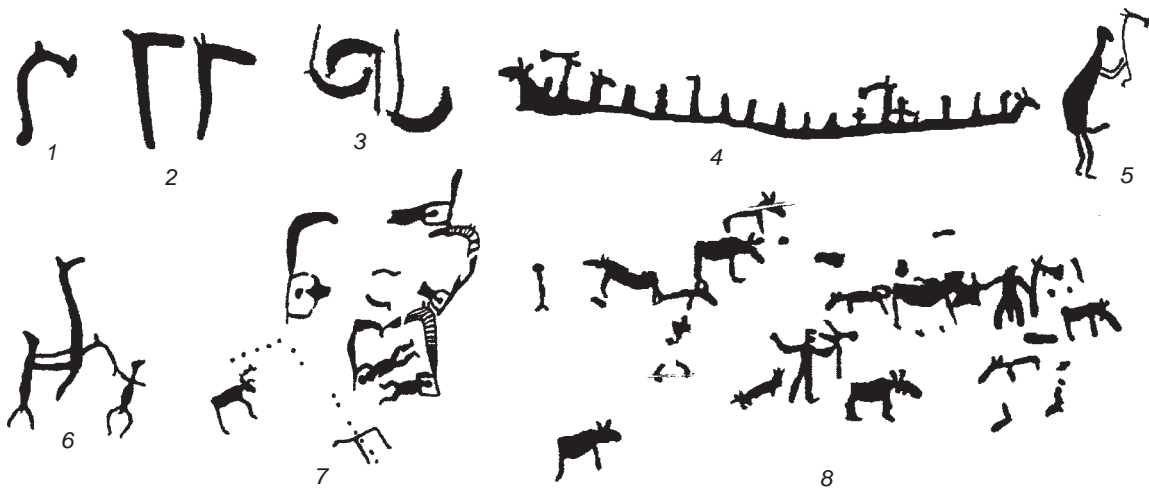

Рис. 4. Типы композиций с изображениями «лосиноголовых жезлов».

1, 5 – Канозеро [Колпаков, 2007]; 2, 7 – Кофьорд (Альта); 3 – Винген [Hallström, 1938]; 4, 8 – Немфорсен [Hallström, 1960]; 6 – Альта [Helskog, 1988].

на землю. Существует два варианта их размещения относительно фигуры антропоморфного существа. Первый – горизонтально над головой (рис. 3, 18, 19), второй – вертикально (рис. 3, 15–17), при этом «лосиноголовая» часть предмета располагается выше или на уровне головы, а нижняя – как правило, на уровне или выше пояса. Антропоморфные персонажи как бы размахивают «жезлом» либо держат его поднятым над головой или на уровне головы. Представляется, что данное положение «жезла» указывает на его высокий семиотический статус. Можно привести в качестве аналогов поздние произведения искусства, где подобное положение относительно изображенных героев занимают, например, скипетр или хоругвь. Расположение в могилах «лосиноголовых жезлов» выше пояса умершего человека также, скорее всего, связано со статусом этого изделия.

Анализ петроглифов показал, что примерно треть «жезлов» изображена вне явной композиционной связи с другими фигурами (рис. 4, 1), композиции из двух или трех «жезлов» единичны (рис. 4, 2, 3), в остальных случаях они находятся в руках антропоморфных персонажей (рис. 4, 5–8), которые иногда размещаются в лодке (рис. 4, 4). Наибольшее сходство по вариантам композиций с «лосиноголовыми жезлами» наблюдается между неолитическими петроглифами Альты и Немфорсена, несколько меньшее – между наскальными рисунками Альты и Канозера. На петроглифах Вингена такие изображения отсутствуют, что может быть связано с мезолитическим возрастом памятника.

В наскальном искусстве нашли отражение представления древних людей о множественности одновременно функционировавших «лосиноголовых жез-

лов». В пространственно изолированной композиции одной из групп петроглифов Альты все пять антропоморфных персонажей являются их обладателями (рис. 4, 7). На рисунках Немфорсена имеются три изображения лодок с экипажем, насчитывающим от 8 до 18 антропоморфных персонажей, показанных в основном в виде выступов-столбиков (рис. 4, 4). От двух до четырех пассажиров являются обладателями «лосиноголовых жезлов», т.е. в среднем один из четырех членов экипажа. С образом лодки в архаичных представлениях, как известно, связано понятие «община» [Ревуненкова, 1974]. Таким образом, древний человек допускал, по крайней мере в мифических ситуациях, одновременное функционирование нескольких «лосиноголовых жезлов» у одной сравнительно небольшой по численности общины. В этой связи можно предположить, что и в реальном коллективе древних людей одновременно было несколько мужчин, обладавших такими жезлами.

Ряд композиций позволяет судить о семантике рассматриваемых предметов. На петроглифах Канозера антропоморфный персонаж направляет «лосиноголовый жезл» в сторону фигур мужчины с веслом или копьем и женщины с младенцем в чреве (рис. 5, 1). Продуцирующая символика этой композиции весьма вероятна. На другом наскальном рисунке Канозера «жезл» находится в руках антропоморфного персонажа с горбатой спиной, гипертрофированным фаллосом и зооморфной головой (см. рис. 4, 5) – признаками, которые сближают данное изображение с Беломорским Бесом и другими подобными фигурами, характеризующимися отчетливо выраженной продуцирующей символикой [Жульников, 2006, с. 132; Окладникова, 1995, с. 156]. На петроглифах Альты возле одного антропоморфного персонажа с «лосиноголовым жезлом» выбито несколько фигур оленей, развернутых на 90° (конечностями вправо) и расположенных в ряд параллельно друг другу (см. рис. 5, 2). Вряд ли такое расположение случайно, поскольку на Альте в сценах охоты эти животные изображены обычно относительно беспорядочно или

в виде кортежа. Создается впечатление, что олени в рассматриваемой композиции как бы высыплются из «лосиноголового жезла», как из рога изобилия. В некоторых группах петроглифов Альты и Немфорсена антропоморфные персонажи с «лосиноголовыми жезлами» изображены в сценах охоты на оленей или лосей, иногда рядом с охотниками (см. рис. 4, 8; 5, 3). В целом содержание подобных композиций свидетельствует о том, что смысл таких изображений, скорее всего, состоит в идее воспроизводства лосей (оленей), умножения добычи.

На петроглифах Альты и Залавруги четыре раза воспроизведен сюжет, где два противостоящих антропоморфных персонажа держат в руках «лосиноголовые жезлы» (см. рис. 4, 6; 5, 4). Повторяемость данной композиции в наскальном творчестве Фенноскандии свидетельствует о существовании у ряда групп древнего населения региона сходного мифологического сюжета, отразившегося в определенном изобразительном каноне. Исследователи отмечают, что сцены противостояния одинаковых персонажей иллюстрируют архаический мотив тождества противников [Ермоленко, 2005, с. 93]. Идея о двуединстве эпических противников была высказана О.М. Фрейдберг. «Герой», побеждая «врага/смерть», одолевает самого себя «в противоположной фазе» [Фрейдберг, 1997, с. 209]. При всех вариациях подобной композиции в искусстве можно констатировать: ядро данной сюжетной схемы составляет антитетическое отношение двух мифических героев. Представляется, что противостоящие персонажи являются отражением двоичной символической классификации и восходят к идеям дуалистических мифов. Данная гипотеза подтверждается самим композиционным решением сюжета. Противостояние тождественных персонажей метафорически отражает основную характеристику архаичной системы представлений о мире – амбивалентность, традиционно выраженную в образах двух божеств, участвующих в процессе мироздания. В наиболее архаичных вариантах мифов народов Северной Евразии эти божества имели

Рис. 5. Композиции с изображениями «лосиноголовых жезлов». 1 – Канозеро; 2 – Кофьорд (Альта); 3, 4 – Альта [Helskog, 1988].

зооморфный облик. Поэтому нельзя исключить, что два «лосиноголовых жезла» в сценах «поединков» на петроглифах соотносятся с образами двух зооморфных «божеств» Верхнего мира – мифических лосей/олений в представлениях древнего населения региона, – являющихся подателями жизни для зверей и людей [Окладников, 1950, с. 315].

Заключение

Появление в материальной культуре древнего населения лесной зоны Зауралья, Северной и Восточной Европы предметов с навершиями в виде головы лося знаменует собой выделение в первобытном коллективе социальной группы зрелых мужчин, наделенных особым статусом и, соответственно, рядом сакральных полномочий.

Использование для изготовления «лосиноголовых жезлов» преимущественно рога или кости лося и оленя подчеркивает наличие явной семантической связи между этим магическим предметом и образом лося/северного оленя [Жульников, 2006, с. 177]. Данный образ являлся одним из значимых в представлениях населения лесной зоны Северной Евразии. Это «положительный» космический, календарный, ойкуменический символ. Как правило, у народов Урала и Сибири лось ассоциировался с солнцем и созвездием Большой Медведицы («Лося») – главными ориентирами в пространстве. Универсальный сюжет преследования чудесного лося могучим охотником [Карельское... творчество, 1982; Окладников, 1949] является не столько отражением «промыслового» мифа или календарного (весеннего) праздника, сколько метафорой бега времени, жизненного и природного цикла. Ойкуменическое восприятие этого образа отражено в представлениях о земной поверхности как спине фантастического лося, а также в фольклорных текстах с эпизодом превращения преследуемого чудесного лося в различные «блага» – дом, собак, богатство [Аврорин, Козьминский, 1949; Лебедева, 1982; Карельское... творчество, 1982]. Образ лося как существа, олицетворяющего мировой порядок, видимо, сформировался в мезолитическую эпоху и сохранялся очень длительное время.

Безрогий лось-самец мог быть символом холодной половины года [Жульников, 2006; Конаков, 1990]. Ассоциирование осени и зимы со зрелостью и старостью является мировой универсалией в зонах умеренного и континентального климата. Достижение человеком зрелости, его переход в новый возраст, возвышение, возможное наделение его новыми полномочиями и предметом с навершием в виде головы лося вполне соотносится с представлением древнего населения Северной Евразии о лосе как о светлом космическом

существе, олицетворяющем Вселенную. Резные «лосиноголовые жезлы» могли использоваться в «узкосемейных» и личных ритуалах, в т.ч. для испрашивания репродуктивной силы, благополучия, размножения зверей и всего живого.

Изображения «лосиноголовых жезлов» на петроглифах также отчасти связаны с продуцирующей магией. Вероятно, данный образ в наскальном творчестве является прежде всего репликой орудия первотворения, магическим предметом, воплотившим в себе символику Вселенной, или, возможно, субституту «божества», имеющего зооморфный облик. Учитывая коллективную направленность ритуалов на петроглифических святилищах и содержание композиций с «лосиноголовыми жезлами», следует полагать, что функция изображений этих предметов и характер их использования мифическими персонажами несколько отличались от способов применения изделий с навершием в виде головы лося.

Список литературы

- Аврорин В.А., Козьминский И.И.** Представления орочей о вселенной, о переселении душ и путешествиях шаманов, изображенные на «карте» // Сб. МАЭ. – 1949. – Вып. 11. – С. 324–334.
- Богданов С.В.** Токский жезл // Древняя история населения Волго-Уральских степей. – Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 1992. – С. 195–205.
- Гурина Н.Н.** Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова // МИА. – 1953. – № 39. – С. 347–407.
- Гурина Н.Н.** Оленеостровский могильник. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 432 с. – (МИА; № 47).
- Гурина Н.Н.** История культуры древнего населения Кольского полуострова. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1997. – 240 с.
- Ермоленко Л.Н.** Изображение одинаковых или однополовых противников в свете эпического мотива тождества «героя» и «врага» // Мир наскального искусства: сб. докл. междунар. конф. – М.: Ин-т археологии РАН, 2005. – С. 92–95.
- Жульников А.М.** Петроглифы Карелии: образ мира и миры образов. – Петрозаводск: Скандинавия, 2006. – 224 с.
- Искусство** каменного века (лесная зона Восточной Европы). – М.: Наука, 1992. – 136 с.
- Карельское народное поэтическое творчество** / подгот. и пер. текстов В.Я. Евсеева. – Л.: Наука, 1982. – 412 с.
- Колпаков Е.М.** Петроглифы Канозера: типологический анализ (по состоянию на 2005 г.) // Кольский сборник. – СПб.: ИИМК РАН, 2007. – С. 155–183.
- Кольская археологическая экспедиция:** научный сайт ИИМК РАН. – URL: <http://kae.rekvizit.ru> (дата обращения: 12.06.2009).
- Конаков Н.Д.** Промысловый календарь в мировоззрении древних коми // Мировоззрение финно-угорских народов. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 103–120.

Лебедева Ж.К. Эпические памятники народов крайнего Севера. – Новосибирск: Наука, 1982. – 112 с.

Лозовский В.М. Искусство стоянки Замостье-2 в контексте искусства Европы эпохи мезолита // Древности земли Радонежской: тез. докл. науч. конф. – Сергиев Посад: Ремарко, 2009. – С. 6–12.

Маковский М.М. Сравнительный анализ мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1996. – 416 с.

Мурашкин А.И., Шумкин В.Я. Образ северного оленя в мелкой пластике из могильника Большого Оленьего острова в Баренцевом море и в петроглифах Северной Фенноскандии // Петроглифы Канозера. Наскальная летопись Канозера: 50 веков создания, 10 лет со дня открытия: докл. Междунар. конф. по наскальному искусству 3–7 сентября 2007 г. – Кировск, 2008. – С. 25–31.

Окладников А.П. Исторические рассказы и легенды нижней Лены // Сб. МАЭ. – 1949. – Вып. 11. – С. 73–109.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1/2. – 412 с. – (МИА; № 18).

Окладникова Е.А. Модель Вселенной в системе образов наскального искусства Тихоокеанского побережья Северной Америки: Проблема этнокультурных контактов аборигенов Сибири и коренного населения Северной Америки. – СПб.: МАЭ, 1995. – 320 с.

Ошибкина С.В. Неолит Восточного Прионежья. – М.: Наука, 1978. – 232 с.

Ревуненкова Е.В. «Корабль мертвых» у батаков Суматры // Культура народов Австралии и Океании. – Л.: Наука, 1974. – С. 167–180.

Столяр А.Д. «Жезлы» онежских петроглифов и их материальные прототипы // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. – Л.: Наука, 1983. – С. 145–158.

Студницкая С.В. Ритуальные «жезлы-посохи» неолита лесной полосы Евразии // Актуальные проблемы древней и

средневековой Евразии. – Томск: Том. гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники, 1997. – С. 95–103.

Топоров В.Н. Древо мировое // Мифы народов мира: энциклопедия. – М.: Рос. энцикл., 1997. – Т. 1. – С. 398–406.

Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. – М.: Лабиринт, 1997. – 448 с.

Цветкова И.К. Украшения и скульптура из неолитического поселения Черная Гора // Экспедиции Государственного исторического музея. – М.: ГИМ, 1969. – С. 25–38.

Цветкова И.К. Скульптура лося с неолитической стоянки Володары // Slovenska Archeologia. – 1973. – Vol. 21, N 2. – P. 423–428.

Эдинг Д.Н. Резная скульптура Урала. – М.: ГИМ, 1940. – 104 с. – (Из истории звериного стиля; вып. 10).

Loze I. Seno ticejumu un tradiciju atspoguļojums akmens laikmeta maksla Austrumbaltijā // Archeologija un etnografija. – 1970. – N 9. – Lpp. 9–30.

Rimantiene R. Akmens amzius Lietuvoje. – Vilnius: Ziburio leidykla, 1996. – 342 p.

Rimantiene R. Die Steinzeit-fischer an der Ostseealagune in Litauen. – Vilnius: Litauisches Nationalmuseum, 2005. – 525 s.

Hallström G. Monumental Art of Northern Europe from the Stone Age. – Stockholm: Thule, 1938. – 544 p.

Hallström G. Monumental Art of Northern Sweden from the Stone Age: Nämforsen and other localities. – Stockholm: Almqvis & Wiksell, 1960. – 403 p.

Helskog K. Helleristningene i Alta: spor etter ritualer og dagligliv i Finnmarks forhistorie. – Alta: Alta Museum, 1988. – 135 s.

Zagorskis F. Zvejnieku akmens laikmeta kapulauks. – Riga: Zinatne, 1987. – 130 lpp.

Материал поступил в редколлегию 01.07.09 г.